

References

1. *Boguslavsky V. V.* Russiasovereigns. - M: Olma-Press Grand, 2006.
2. *Gumilev L.N.* Ethnos geography during historical period. - L. : Science, 1990.
3. *Ivanov A.* Russian state. - M – Orel: Veshnyje vody, 2009.
4. *Karamzin N.M.* History of the Russian State [electronic resource] // <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamsin/karahist.htm>
5. *Klyosov A.A.* Where did Slavs and “Indo-Europeans” appear from? The answer is dnk-genealogy [an electronic resource] // www.lebed.com/2008/art5375.htm
6. *Kostomarov N.I.* The Russian history in its chief figures biographies. - M: Eksmo, 2005.
7. Short encyclopedic dictionary. - M.: Soviet encyclopedia, 1981. - Page 1574.
8. *Niderle L.* Slavic antiquities. - M: Publishing house “Inostr. lit.”, 1956.
9. The Tale of Igor’s Campaign. Translated by D.S.Likhachev [electronic resource] // <http://www.slovoopolku.ru/slowolichachev.htm>
10. *Solovyov S.M.* Russian history since the most ancient times. - M: EKSMO, 2005.
11. *Tvorogov O.V.* Prolusion/“Tale of Bygone Years” [an electronic resource] // <http://www.pushkijdom.ru/Default>.
12. *Shaykin A.A.* Poetics and history. Based on the Russian literature chronicles of the XI-XVI centuries. M: Flint Science, 2005.

215-летию со дня рождения А.С. Пушкина посвящается

УДК 821.161.1(091) ПУШКИН А.С.

UDC 821.161.1(091) PUSHKIN A.S.

Л.М. ПЕТРОВА

профессор кафедры истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета
E-mail: peludmila@yandex.ru

L.M. PETROVA

professor department of history of the Russian literature of the XI-XIX centuries, Orel state university
E-mail: peludmila@yandex.ru

ДУХОВНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПУШКИНА

PUSHKIN'S SPIRITUAL SELF-DETERMINATION

В статье рассматривается творческая эволюция Пушкина в свете аксиологических координат, что сегодня актуально не только для науки, но и для общества в целом. Духовное самоопределение Пушкина органично связано с характером русской национальной ментальности. За творческой и жизненной судьбой поэта – восхождение к высотам духа через скепсис, безверие и страсти к покаянию и вере.

Ключевые слова: аксиология, эволюция, эвдемоническое сознание, ментальность, духовность, православная этика, любовь, покаяние.

The article discusses the creative evolution of Pushkin in the light of the axiological coordinates, that is topical not only for science, but for society in General, as the spiritual self-determination of Pushkin organically connected with the character of national mentality. The creative destiny of the poet is viewed ascent to the heights of the spirit through skepticism, faithlessness and passion to repentance and faith.

Keywords: axiology, evolution, эвдемоническое consciousness, mentality, spirituality, orthodox ethics, love, repentance.

Обращение к творчеству Пушкина сегодня актуально и во многом объяснимо необходимостью компенсировать «духовную жажду» и в современной литературе, и в культуре, и в обществе в целом.

А.С. Пушкин родился в один из самых важных для православных праздников Вознесения Господня, который в тот год (1799) приходился на 26 мая. Событие празднуется всегда в 40-й день после Пасхи. Число 40 – не случайное, а несущее глубокий смысл. По закону Моисееву в 40-й день младенцы должны были приноситься родителями в храм, к Господу. День 26 мая был одновременно и днём памяти православных апостолов

Карпа и Алфея (от 70-ти). В этом совпадении событий усматривается факт особой значимости. За судьбой Пушкина прочитывается пример восхождения к высотам духа.

Призвание Пушкина-поэта, по определению И. Ильина, состояло в том, «чтобы *принять душу русского человека во всей её глубине, во всём её объёме...* а вместе с нею – и Россию <...> принять русскую душу во всех ее исторически и национально сложившихся трудностях, узлах и страстях»[1]. Себя же Пушкин сопоставлял с евангельским блудным сыном, кающимся, просящим прощение:

Так отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты... [2]

Еще при жизни Пушкина сложилась традиция видеть в поэте духовно-эстетический ориентир, мыслителя-христианина (записки А.Смирновой-Россет, высказывания В. Жуковского, Гоголя, воспоминания Хомякова, П. Вяземского...), традиция, закрепившаяся в работах философов Русского зарубежья И. Ильина, С. Франка, А. Карташова, С. Булгакова, П. Струве..., и ожившая в исследованиях В.С. Непомнящего, Г.А. Лесскиса, С. Кибальника, Б.А. Васильева, М.Ю. Юрьевой и др. Но при, казалось бы, должном укреплении этого направления, возникает, особенно сегодня, противостояние позиций, поэтому вопрос о религиозности творчества Пушкина – один из самых сложных в пушкинистике. Не вдаваясь в глубину проблемы, выделим некоторые тенденции.

Для одних исследователей очевидна православная религиозность Пушкина («эхо русского народа»), поскольку русская литература, отражающая ментальность народа, для которого личность Спасителя – это живой нравственный идеал, глубоко укоренена в православии, определившем духовную сущность всей русской литературы (Д.С. Лихачёв, И.А. Есаулов, В.Н. Захаров...). Весьма примечателен факт «позитивного обращения» к проблеме «Пушкин и православие» отцов церкви – Анастасий (Грибановский), Антоний (Храповицкий), Иоанн (Восторгов), Константин (Зайцев)...

Другие ученые считают, что прежде необходимо выработать более тонкий методологический аппарат, дифференцированно употреблять определения «религиозный», «христианский», «православный», «церковный» (В.А. Свительский, П.Е. Бухаркин, А.М. Любомудров), так как в работах часто христианство предстаёт практически не связанным с церковью, но подобный разрыв невозможен для сознания христианина, утверждает А.М. Любомудров, настаивающий на введении критерия «воцерковления»; третьи – не считают ни творчество Пушкина, ни русскую литературу «христианскими» в строгом смысле этого понятия, что нашло своё отражение в работах С.Г. Бочарова, А.П. Чудакова и др..

Выражением крайней точки зрения является позиция Б. Парамонова и В.К. Кантора. Последний, задаваясь вопросом о том, как поэт «оказался центром и истоком великой русской литературы», считает, что в Пушкине «мало типично русского» [3].

Актуальность данной проблемы в сущности не ставится под сомнение, но дискуссионность ее от этого не уменьшилась, на наш взгляд, речь может идти лишь об особом акценте на той или иной стороне целостного по сути явления

Нам близка магистральная мысль философов русского Ренессанса: если у Пушкина нет сколько-нибудь яркого, своеобразного религиозного чувства, если духовная жизнь и творчество поэта лишены религиозного начала, то мы ставим под серьёзное сомнение само убеждение в религиозной одарённости русского народа.

Именно наличие в русской литературе на протяжении всей её истории «нравственного императива» и придавало ей особое отличительное свойство, определившее иерархию ценностного мира народа и духовную сущность его искусства.

Обращаясь к творчеству писателя, уместно вспомнить точку зрения И.А.Есаулова, о том, что исследователь, «занимающийся русской литературой, вряд ли уже может – без ущерба для своих занятий – совершенно игнорировать действительный масштаб воздействия на отечественную словесность хотя бы доминантного для русской духовности православного фактора» [4], к тому же исследование неизбежно эксплицируется точкой зрения самого субъекта. Учёные, отвергающие религиозно-нравственную проблематику как ненаучную, при обращении к анализу творчества писателя неизбежно обедняют его «пафос».

Творчество А.Пушкина, его место в русской литературе, несомненно, изучено наиболее основательно, однако новые возможности для современного прочтения произведений первого классика русской литературы, на наш взгляд, открывает аксиологический аспект.

Аксиология утвердилась как особая область знания, задающая «практически-духовное отношение к миру и человеку». Аксиология – учение о природе ценностей, исследующее «иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений» [5]. Ценности, особенно религиозные, значимы в любой культуре, они пронизывают все стороны бытия народа, образуя главный принцип его жизнеустройства. Исторически сложившиеся «духовные константы» русского национального жизнеустройства связаны с этической доктриной христианства, именно православия. Уместно вспомнить слова Пушкина, завещавшего помнить о том, что именно «...греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» [VIII:92-93].

Как невозможно оспаривать факт того, что православие – один из основных «культурогенетических факторов» в истории России, так неоспоримо и влияние православия на творчество Пушкина, который являл собой «эхо русского народа», находясь в глубоких взаимоотношениях с национальной духовной культурой. Пушкин был первым в русской литературе, кто с такой глубиной поднял вопросы, в которых выразились нравственные императивы человеческого бытия, определившие широту и размах творчества: жизнь и смерть, вера и безверие, совесть и грех, добро и зло, истина и красота, вольнолюбие и произвол, свобода воли и смирение, честь и достоинство, отечество и патриотизм, свобода и долг, закон и милосердие, личность и государство...

Духовные искания Пушкина прошли сложный, порой, болезненный, путь: от увлечения-любви к античности, влияния западноевропейской ценностной системы (Вольтер, Парни, Байрон...) до утверждения христианской этики, сформированной русско-православной культурой, «от разочарованного безверия – к вере и молитве...от юношеского многолюбия – к культу семейного очага» [1:339]. С одной стороны, скептицизм, вольнодумство, полнота жизненных впечатлений, с другой стороны, идущее из глубинных пластов народного сознания признание своей греховности, этические ценности, базирующиеся на православии, – эта оппозиция объясняет противоположность устремлений поэта, противостояние и динамику смены его ценностей.

Западноевропейская культура во многом определяла то своеволие человека, скепсис и эротизм, которые, как ярко выраженные черты эвдемонического секуляризированного сознания, проявились в светской культуре эпохи Александра I, стали отличительной чертой двойственного и противоречивого времени. Христианское учение казалось пригодным только для народных масс. Развитие философской мысли, которая «воспринималась как секулярная замена церковного мировоззрения» [6], усугубляло общий фон: в обществе произошла переоценка ценностей.

В творчестве Пушкина эти процессы отразились в достаточно острой форме, но, охватив все вопросы своего времени, именно Пушкин стал главным нравственным авторитетом. И.Пущин не случайно назвал друга «великолепным созданием»: Пушкин стал «странным смешением»: в нем «смешалась» вся русская жизнь, он выходил к самым разным её сторонам и к разным её представителям» [7].

Всё проявилось уже в раннем творчестве поэта, в котором произошло сращение политического радикализма, богохульства, сладострастия, вольнолюбия и высшего духа.

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!* [I:307]

– с восторгом и упоением пишет юный патриот в послании П.Чаадаеву.

В каком-то молитвенном покое слагаются строки «юноши мудреца» о признании простых и естественных ценностей жизни:

*.....К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы<...>
Не лучше ли в деревне дальней
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке*[I:149,150]

И почти одновременно – поэт озорничает, шокирует непристойностями, богохульствует:

*За поцелуй я не робея
Готов, еврейка, приступить –
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного Еврея*

От православных отличить[II:71]

*О юный праведник, избранник роковой
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой*

Остался глас в казненном прахе [II:36].

– ёрничаёт по поводу казни немецкого студента.

Дарование лилось через край с удивительной лёгкостью и детской непосредственностью:

*Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочёл бы я скорей
Бессмертию души моей,
Бессмертие своих творений* [I:227]

Внимательный читатель замечает весьма важную особенность Пушкина-поэта. Ему свойственно уже в юности какое-то религиозно-трепетное восприятие своего поэтического дара

Позже он сопоставит свой дар с возвышенным жертвенником, алтарём, где «огонь горит» поэта. Пушкин, пишет митрополит Анастасий, «не только не превозносился своим гениальным дарованием, а скорее смирялся перед его величием. Вдохновение, посещавшее в минуты поэтического озарения, приводило его в священный трепет и даже «ужас», он видел в нем «признак Бога», озарявший, очищавший и возвышавший его душу»[8].

Но нет слова чаще встречающегося в творчестве Пушкина, чем «свобода», «вольность». Неизбывное стремление к свободе сопровождает его всю жизнь.

Замечательно определил многообразие мотивов свободы в поэзии Пушкина Б.Вышеславцев[9], обозначивший целый узел проблем, связанных с темой свободы. Раскрыта им же и сложная диалектика свободы, свободы, которая может принимать разные формы. Думается, что главное открытие Пушкина, во-первых, в признании свободы как ценности, а во-вторых, и это главное, в понимании свободы как дара свыше. Пушкин постиг высшую ступень свободы: он постиг смысл «тайной» свободы – духовной, о которой сказано: «где Дух Господень – там свобода» [(2Кор.3:17)]. И постиг Пушкин эту высшую свободу через творчество или благодаря творчеству, ибо творчество, талант – свыше, чудесный дар, исходящий от Бога для человека и через его личность

Именно свобода («священная свобода», «вольность святая») – главный кумир Пушкина; к ней он обращался в разные периоды своей жизни. Без неё немыслим Пушкин, она – основа его духовного существа, и значение её весьма ёмкое и, конечно, выходит далеко за пределы политических настроений поэта. Всем строем своим его поэзия несёт именно «дух вольности и никогда – своеволия» [7:116]. Поэт любит слово вольность, сочетая с определением «святая», несущим сакральный смысл, считая, что «оно прямо русское» (письмо к Н.И. Гречу от 21 сентября 1821 г.). Заметим, что в православии слово «свобода» и слово «воля» не однозначны. Русская пословица гласит: «Вольному воля, спасенному рай»: смысл её в том, что только тому, кто волен над своими страстями, кто не подчиняется своим

прихотям, дано спасти себя от греха и потому достигнуть рая.

Пушкинским феноменом можно считать и союз Свободы и Любви, выразившийся в таких удивительно-парадоксальных стихах, как эти: «Любовь и тайная свобода // Внушали сердцу гимн простой». Правда, вся поэзия любви до кризиса 1823 года – это лирика физической страстности, она вся проходила под знаком «плута Эроса».

Однако уже в юности поэт поднимает вопрос о духовных ориентирах как основополагающих для человека и общества, почувствовав интуицией гения, что содержание духовной ориентации опирается на веру, и потому она не подлежит рациональному обоснованию. Пушкин подтверждает постулат архимандрита Зосимы о том, что «таинственный центр личности, который порой называют глубинным я», пребывает глубже эмоциональной и духовной жизни – «это закрытая сфера нашей личности, её мощь, её возможности, её крылья» [10]. Пушкин бессознательно ощущал в себе эту запредельную глубину, неадекватную феноменальному сознанию, глубину, которая определяла неповторимую широту его творчества.

Ключевая строка стихотворения «Безверие» (Пушкину 18 лет): «Ум ищет божества, а сердце не находит» – звучит, кажется, парадоксально (ведь именно рассудок и сопротивляется вере), но как верно! Сердце есть орган высшего познания, орган общения с Богом и со всем трансцендентным миром, и условием для видения Бога поставляется чистота сердца. Юный поэт пока весьма далёк от этого духовного состояния. Стих из Нагорной проповеди: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8) - свт. Иоанн Златоуст трактует так: «Чистыми здесь Он называет тех, которые приобрели всецелую добродетель и не сознают за собой никакого лукавства, или тех, которые проводят жизнь в целомудрии, потому что для того, чтобы видеть Бога, мы ни в чем столько не имеем нужды, как в этой добродетели. Потому и Павел сказал: *«старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа»* (Евр. 12:14).

Путь обретения Христа закрыт для Пушкина, но он – самокритичен, с горечью констатирует:

Лишенный всех опор отпавший веры сын

Уж видит с ужасом, что в свете он один [I:216]

Юный философ понимает, что человек, потерявший веру, беспомощен и слаб, безверие — «по жизненной стезе во мраке вождь унылый». Острее всего пустоту души, холодность сердца, «отпавший веры сын» чувствует в церковном храме при молящемся народе:

Во храм ли вышнего с толпой он молча входит,

Там умножает он тоску души своей.

При пышном торжестве старинных алтарей,

При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,

Тревожится его безверия мученье.. [I:218]

В горьком и тяжком раздумье об утраченной сердцем вере особо звучат слова:

Бежите в ужасе того, кто с первых лет

Безумно погасил отрадный сердцу свет

.....
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит...

[I:216]

Анафора (несколько раз повторенное «напрасно») подчеркивает мысль юного Пушкина: причины страданий человека, его бед и страхов в нём самом: он сам «безумно погасил отрадный сердцу свет». Без веры нет утешительного света. Безверие – это страшная болезнь души, ведущая человека к унынию, отчаянию, равнодушию, к угасанию «души»:

Он бога тайного нигде, нигде не зрит,

С померкшею душой святыне предстает

Холодный ко всему и чуждый к умиленью... [I:218]

Интуиция юного гения подсказывает: идея Божества природенна нам; человек рождается с душой, озаренной «отрадным сердцу светом, светом веры, т.е. он изначально наделён инстинктом веры, восприимчивостью к нравственной истине и красоте, которые он в дальнейшем теряет или от которого он сознательно отказывается. Пушкин позже настаивал: Библию надо читать с детства: «Для чистых всё чисто; невинное воображение ребёнка никогда не загрязнится, потому что оно чисто» [11]. Поэтому так прекрасна у поэта юность, которой ещё не известны «вечные противоречия сущности». Это «лучшее время жизни сердца, ещё не охлаждённого опытом», оно «доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно» [VI:233]. И ничто не выражено у Пушкина с такой страстностью и убеждёностью, как гимн жизни: «земля прекрасна и жизнь мила» [IV: 267].

Природа духовных ориентиров Пушкина до кризиса, пережитого в середине 1820-х годов, раздваивается: нет пока веры в религиозном смысле – поэту свойственны склонность к трагическому мироощущению и скепсис, легкомыслие: дух смятен, «дышать уныньем – мой удел», «вся жизнь моя – печальный мрак ненастья», «душа полна невольной грустной думой». А вместе с тем самое широкое отражение находят такие общечеловеческие ценности, как добросердечие и любовь к отечеству, историческая память и благодарность. Выбор духовных ориентиров осуществляется с учётом нравственного голоса и поведенческой этики юного Пушкина.

Есть у юного поэта стихотворение с многозначным и примечательным названием «Возрождение»:

Художник-варвар кистью сонной

Картину гения чернит.

И свой рисунок беззаконный

Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,

Спадают ветхой чешуей;

Созданье гения пред нами

Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья

С измученной души моей,

И возникают в ней виденья

Первоначальных, чистых дней [I:334].

С характером нового нравственного сознания связано появление самобытнейшего мотива – нравственного очищения души, её просветления. Мотив победы духовных сил над страстями. Эти настроения звучат в южных поэмах Пушкина.

Распахивается душа кавказского пленника, потрясенного самоотверженным подвигом черкешенки, силой её духа, страданий её сердца:

*К черкешенке протёр он руки,
Воскресшим сердцем к ней летел,
И долгий поцелуй разлуки
Союз любви запечатлел*[IV:99].

А поэма «Цыганы», осудившая ничем не сдерживаемую свободу, гордый и бесплодный индивидуализм и эгоизм, стала предчувствием того, что спасение человека в любовном и добром отношении к ближнему, в прощении:

Оставь нас, гордый человек!
.....
*Ты для себя лишь хочешь воли...
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; – оставь же нас,
Прости! Да будет мир с тобою*[IV:168].

В «Бахчисарайском фонтане» конфликт определяется столкновением двух женских характеров: страстной, своевольной Заремы и кроткой, смиренной Марии. Именно христианская религиозность Марии, её чистота и целомудрие определяют её ангельский облик, обстановку её покоя:

*Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священный*[IV:139].

Образ до святости чистой и кроткой Марии предвосхищает образ Татьяны Лариной, которая как «милый идеал» поэта явит образец православного смирения и духовности.

В Михайловском в 1825 году Пушкиным создаётся художественное чудо – «Борис Годунов». Произведение, в котором «судьба человеческая, судьба народная» соединились с «государственными мыслями историка» и христианина, произведение, воплотившее в себе философию и нравственность православия. Раскрылась новая «манера понимать вещи», новое мироощущение писателя, который на развернувшиеся исторические события, поступки героев смотрит в свете православного учения о мире, сформировавшем у народа нравственную привычку верить все происходящее в мире с собственной совестью. Образ народа, наивного и умного, доверчивого и жестокого, милосердного и плутоватого одновременно, предстал в своём реальном лице, соединив стихийный дух и нравственную силу. «Борис Годунов» с его Пименом – это яркое отображение древней Святой Руси. На почве большого и глубокого духовного опыта самого автора трагедии рождается уникальный по красоте нравственной и духовной образ русского подвижника-инока Пимена. Чутьём поэта-христианина Пушкин угадал, что здесь в смиренной и величавой духовной красоте своей запечатлена лучшая

часть народной души: «простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия...» (VII:53).

Пимен, по словам архимандрита Анастасия, «вышел из самого сокровенного горнила творчества Пушкина, который слился с ним в муках духовного рождения ... В нем поэт дал самый законченный, самый выпуклый и самый правдивый тип православного русского подвижника, какой только был когда-нибудь в нашей художественной литературе»[8:80-81]. Особый православный смысл несут слова Пимена:

*Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли* [V:203].

Летописец являет собою православный тип сознания, которому присуще в высшей степени свойство, определяемое церковью как соборность: он не причащен к греху цареубийства, но Пимен говорит «мы», потому что принимает на свою личную совесть тяжесть общего греха. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн объяснял тайну церковной соборности, указывая на молитву Господню (Мф.6:9-13) как на самую дорогую и самую святую для всякого христианина. Молясь, говорим «Отче наш ... хлеб наш насущный дай/ нам... и прости нам долги наши, как и мы прощаем...», потому что «мы молимся за весь народ, потому что все мы составляем едино».

Нравственная природа человека, несмотря на поврежденность греха, сохраняет совесть как неотъемлемый Божий дар, полученный при творении. «Угасшая совесть» просыпается в царе Борисе, как и осознание того, что «жалок тот, в ком совесть нечиста». Борис думает о бессмертии, о спасении души, о покаянии. Правда, дух его в смятении, и нет в душе благоустроенного покоя, тишины. Герой мечется между смертью и жизнью, иноческим и царским, перстным и духовным. Но важно то, что он – восскорбел, понимает: необходимо «душу... очистить покаяньем». И принимая схиму, отходит от этого мира со словами покаяния и примирения на устах:

*Простите ж мне соблазны и грехи,
И вольные, и тайные обиды* [V:273].

Требование нравственного закона Пушкин демонстрирует в южной поэме, рассказывая историю братьев-разбойников, переживающих «докучной совести мученья» в одноименной поэме, в которой мотив совести, как и «Борисе Годунове, напрямую связан с темой греха:

*.....В их сердце дремлет совесть:
Она проснется....*

Пушкин усиленно читает Коран, Библию и Евангелие, называя последнее «божественное Евангелие»: «Есть книги, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть...

книга сия называется Евангелием, – и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться её сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие [VII:322]. Он убежден, что христианство принесло величайший духовный переворот: «В сей-то священной стихии исчез и обновился мир» [VII:100].

Многие лирические произведения Пушкина 1830 годов пронизаны христианским духом и светом. Они отличаются переживанием таинства покаяния и таинства очищения, звучанием особых тем: упавший дух и телесные силы, страдания духа и тела, сердечное сокрушение и слезы, жалобы, воспоминания-поминовения прегрешений и всенощное покаянное бдение, покаянная совесть и сознание грехов, молитва к Господу о помощи, о прощении, очищении:

*В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья...*

Теснится тяжких дум избыток;

Воспоминание безмолвно предо мной

Свой длинный развивает свиток [III:57].

Казни вечныя страшуся,

Милосердия надеюсь:

Успокой меня, творец.

Но твоя да будет воля,

Не моя [III:427].

Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,

Да брат мой от меня не примет осужденье,

И дух смирения, терпения, любви

И целомудрия мне в сердце оживи [III:336].

О мучительном и просветленном опыте своего духовно-нравственного обновления поэт поведал в «Пророке». «Вечные» книги помогли утвердиться в новом мироощущении поэта, которому равно вняты и «дольный» мир и «горние» высоты, понимающего особую степень ответственности, миссию-предназначение, ибо «Бога глас» к нему воззвал. Пушкин выходит к онтологическим проблемам бытия: жизнь, её смысл и цель, сомнения и вера, смерть – создаётся философская лирика:

День каждый, каждую минуту

Привык я думой провождать... [III:130].

Сердце Пушкина, его ум требуют строгого, спокойного, ясного изложения чувств и мыслей в эпическом повествовании. Таким новым «отдохновением поэта» можно считать «Повести Белкина» [12], в которых область нравственных императивов, коренящихся в самой глубине народного духа, проявляется в концепте Дома, Совести, Любви и Брака. Главное в повестях – судьба человека и главный вопрос его: как жить. Повести Белкина, замечает современный исследователь, – «это пространство, на котором происходит драматическое столкновение стереотипа читательского опыта, полученного из принципиально иной, нерусской культуры, с сознанием русским по существу, исконно русским миропониманием писателя Белкина» [13]. Примечательно, что все «невывыщенные» истории, которые записы-

вает Иван Петрович Белкин, и осознаются Белкиным «как нарушение закономерностей несчастья» [13:53], имеют счастливый конец, потому что в ситуации выбора герои оказываются на нравственной высоте. Мария Гавриловна и Бурмин, герои «Метели», готовы отказаться от любви и счастья, жертвуя ими во имя веры в предопределенность свыше брака. В «Станционном смотрителе» Пушкин как будто пытается проверить на истории Дуни и её отца, соответствует ли жизнь тому, что евангелие определяет как моральную норму, обращаясь к одной из притч Иисуса Христа о блудном сыне, приводимой в Евангелии от Луки, которая учит добродетелям покаяния и прощения. Отец же Дуни обеспокоен до отчаяния тому, что дочь ищет счастье вне брака, счастье среди «мосек, бонн и карет шестерней». В «Барышне-крестянке» за весёлой, изящной, легкой историей со счастливым концом кроется весьма глубокий смысл: она о том, какими ценностями должен обладать человек, чтобы быть счастливым. Это – живость ума, преодоление вражды и предрассудков, верность чувствам, доброта. Гробовщик Адриан Прохоров, герой одноименной повести, так драматически остро переживает «столкновение» между жизнью и смертью, между ремеслом и человеком, что после пробуждения (сон его – метафора несправедливой жизни) становится другим человеком, в котором просыпается совесть.

Пушкин рано осознал двойственность человеческой природы и человеческого существования, причастность человека двум мирам – материальному и духовному. В этой двойственности – корень человеческой свободы как свободы нравственного выбора, загадка самоопределения человека в плане достижения и реализации им ценностей бытия, природа его духовной ориентации.

Являясь самым безусловным и неотъемлемым свойством личности, свобода, как свобода нравственного выбора, необходима, убежден поэт, для самоопределения человека по отношению к дихотомии «добро – зло».

Пушкин показал это в повести «Пиковая дама», раскрывшей психологию несвободного человека, трагедию расколотого сознания.

С тонкостью деликатного психолога автор рисует сложный рисунок образа, переплетение в характере Германа противоположных качеств, пробуждение разрушительных сил.

Беда героя – в шаткости жизненных координат, в желании обогащения, выбиться наверх ценою «легкого богатства», в моральной несвободе от «томских», в «дремлющей» совести.

Герман одержим идеей: он хочет обрести свободу – независимость в обществе. Эта «неподвижная идея» тем острее, что герой – «маленький человек», вращающийся в среде богатых, преуспевающих и самоуверенных светских повес. Услышав рассказ о тайне трёх карт, он заражается другой идеей: достижение независимости и благополучие в жизни с помощью таинственных трёх карт. Но Пушкин мудро замечает, что «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом

мире занимать одно и то же место»[VI:234].

Германн делает выбор, поставив на карту свою скромную жизнь, трудолюбие, смирение, наконец, любовь, поддавшись мнимым ценностям, обуревавшим его страстям. Лишенный верных духовно-нравственных ориентиров, герой гибнет.

Безошибочностью своего нравственного чувства, мудростью гения, Пушкин осознаёт, что источник счастья и подлинной свободы не вне, а в нас самих, что бытие есть безусловное единство, целостность, в котором нет ничего такого, что можно подправить, улучшить. Подлунный мир принимается таким, каким он был. Однако эстетический вкус требовал гармонии и меры в поэтических красках, а беспокойное сознание и нравственное чувство настойчиво искали оправдания и смысла собственному существованию, исполненному страстей и разочарования, и в поисках их поэт бежит к сионским высотам, молит свою Музу: «Веленью божию, о муза, будь послушна».

Обладая прирождённым чувством добра и зла, восприимчивостью к нравственной правде, Пушкин наделяет высокими духовными качествами своих героин: Татьяну Ларину, Марию Гавриловну, Лизу Муромскую, Машу Троекурову, Изabelу, Машу Миронову — потому и живут эти героини верой в милосердие и любовь, в непосредственное Богоприсутствие. Именно пушкинские женщины духовно ориентированы, несут любовь, требующую жертвенного и чистого служения, гармоничного единения естественного и нравственного.

В последние годы жизни Пушкин всё более занят осознанием своих корней, своей глубокой духовной связи с прошлым, «духовных» узлов, определяющих будущее: именно дети принимают в наследство от отцов духовный опыт своего рода, народа. Именно связь детей и отцов, выражающаяся в преемственности поколений, заключает в себе, по убеждению Пушкина, самостоянье человека, в котором заключен «залог величия его»:

*Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам*[III:203]

Глубинное единство «отцов и детей», снятие односторонностей в позициях отцов и детей с широкой точки зрения идёт от Пушкина. Правда, единство это доступно только избранным (положительным) героям и мотивировано не особым вниманием отцов к вопросу воспитания, но некими глубинными духовными основами русского мира.

Духовное поле, вырастающее на православной этике, определяет атмосферу взаимоотношений отцов и детей особенно ярко в таких произведениях Пушкина, как «Повести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка».

В «Дубровском» тема отцов и детей раскрывается, прежде всего, по линии Дубровских: матери ребёнок лишился в малолетстве и почти не знал своего отца, так как «был привезён в Петербург на восьмом году своего возраста» (6:155) и воспитывался в кадетском корпусе. Выпущенный из него в гвардейский пехотный полк, Владимир Дубровский вел типичную жизнь

молодого столичного офицера: «он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем» (6:164), тем более что отец его не щадил ничего для приличного его содержания. Но в значимо-судьбоносные поворотные моменты жизни «отцы и дети» восстанавливают цельность добра в духовной гармонии своего субстанционального союза. Весьма примечательно замечание Пушкина: почти не зная своего отца, Владимир «романтически был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться её тихими радостями». Эти семейные радости были кратковременны, но они были в раннем детстве сына и сердце их помнит. Получив письмо от няни о болезни отца, Владимир тут же решает ехать и даже выйти в отставку: «Мысль потерять отца своего тягостно терзало его сердце, а положение бедного больного... ужасало его» (6:155).

Свет на семейные «тихие радости» проливает и многое объясняет эпизод в кабинете отца, когда Владимир разбирает его бумаги. С болью прощается Владимир с отчим домом, где родился, где жили, любили, умерли мать и отец. С чувством безысходного горя он погружается в чтение личных писем матери к своему мужу, как будто желая в них обрести силу и опору: «С сильным движением чувства Владимир принялся за них: они писаны были во время турецкого похода и были адресованы в армию из Кистенёвки. Она... с нежностью сетовала на разлуку и призывала его домой... извещала своё беспокойство насчёт здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям... Владимир зачитался и позабыл всё на свете, погружаясь душою в мир семейственного счастья...» (6:165). Невольно приходят на память слова поэта: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости» [VII:155.]

Вера смиряет бунтаря и мстителя. Владимир Дубровский, полюбив Машу Троекурову, говорит: «... вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ... Я отказался от мщения, как от безумства» (VI:189).

С обретением духовного опыта Пушкин постигает смысл жизни как дар свыше, приходит к вере в высшую осмысленность бытия, в закономерность нравственной эстафеты. Об этом и его последнее произведение в «смирненной прозе» «Капитанская дочка», воспевающая «простое величие простых людей», нравственная открытость и духовность которых взойшли на такую высоту, что это «всё не только самая правда, но ещё как бы лучше её. Так оно и быть должно, – писал Н.В. Гоголь. – на то и призвание поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возратить нам в очищенном и лучшем виде» [14]. Характер пушкинского эпического нарратива определяется аксиологическими основами миропонимания, отражающими картину жизни именно русского человека, что отразилось в образной системе романа, поэтому «пушкинское произведение может быть понято как эстетический образец следования православной этике» [15]. И в этот «этический ореол» попадают

почти все герои, кроме «старичка в голубой ленте» да Швабрина, который «и в господ Бога не верует». Петруша Гринёв делает выбор, позволивший ему преодолеть ситуацию искушения и духовно возвыситься над обстоятельствами вследствие православного воспитания, семейного уклада, ориентированного на понятия чести, совести и милосердия, «не хотел торжествовать над уничтоженным врагом» [VI:344] Швабриным. Родители Гринёва «видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту» [VI:354]. Вписывается в аксиологию христианской морали даже Пугачёв: «Кто ... смеет обижать сироту», – во многих эпизодах с Гринёвым проявляет порывы добра и великодушия, прощения и милости («миловать так миловать»). В православном этическом поле находится Савельич, «ангел-хранитель» Петруши... Поступает милосердно и добросердечно и сама государыня. Но, конечно, идеалом целомудрия и кротости является Маша Миронова, отправившаяся в Петербург защищать честь своего жениха: «просить милости, а не правосудия».

Поиски Истины и Красоты, Чести и Достоинства, Свободы и Смысла жизни, Любви и Добра были центральными в жизни и творчестве Пушкина. «Он должен был принять в себя все отрицательные черты, струи и тяготения своей эпохи, все опасности и соблазны русского интеллигентского мирозерцания, – считал И.Ильин, – не для того, чтобы утвердить и оправдать их, а для того, чтобы одолеть их и показать русской интеллигенции, как их можно и должно побеждать» [1:337]. Пушкин не прошёл мимо «образа Мадонны» и «литургической поэзии Церкви». Его творчество глубоко и бесконечно многогранно.

Самоопределяясь в двух мирах – мире материальном и духовном –, поэт всегда находится в динамике станов-

ления, в пути. И на этом пути духовно-нравственного самоопределения осуществляется переход от мира чувственного, материального, к миру сверхчувственному, духовному.

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая муза.
Душа вкушает холодный сон
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.*

*Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся
Душа поэта встрепет, как
Как пробудившийся орёл [III:23].*

Он умел быть беспристрастным к себе, способен был чувствовать раскаяние, но бесспорно и другое: «он дышал чистым и крепким христианским воздухом» (Г.Федотов) — и вплотную приблизился к области нравственных императивов, сформированных в народном сознании под воздействием духовной культуры православия.

Жизненно и мудро звучат слова-мысли поэта и сегодня: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» [VII:41].

Пушкин всегда понимал значение веры, и в конце жизни увидел стезю, озаренную Божиим Светом. В стихотворении с символическим названием «Странник» как самому себе даёт наказ:

*.....держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг...*

Библиографический список

1. Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в.. М., 1990. С.337.
2. Пушкин А.С. Полн.собр.соч.: В 10 т. Т. III. Л., 1977. С.148. В дальнейшем в самом тексте даётся ссылка с указанием тома (римская цифра) и страниц.
3. Вопросы философии. 1999. № 6. С. 27.
4. Евангельский текст в русской литературе XVIII- XX веков / Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1994. С.383.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и допол. Т.1. М., 2010.
6. Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001.С.114.
7. Скотов Н.Н. Русский гений. М.,1987. С. 100.
8. Пушкин А.С. Путь к православию. М., 1996. С.68.
9. См: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М.,1994. С.160-176.
10. Архимандрит Зосима(Шевчук). Православное учение о личности // Обитель Слова. 2003.С.18
11. Электронный носитель: <http://www.sv-krest.ru/UserFiles/File/biblio/pushkin/pushkin03b.html#16>
12. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С.Пушкина. М., 1984. С.269.
13. Поволоцкая О.Я. «Гробовщик»: Коллизия и смысл//Московский пушкинист: Ежегод. сб. Вып. I. М.,1995. С. 57.
14. Гоголь Н.В. Собр.соч.: В 7тт. Т.6. М.,1986. С.336.
15. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С.48.

References

1. Pushkin in the Russian philosophical criticism: The end of XIX — the first half of XX in. М., 1990 . Page 337.
2. Pushkin A.S. Poln.Sobr.Soch.: In 10 t. T. III. L. 1977. Page 148. Further in the text the reference with the indication of volume (the Roman figure) and pages is given.
3. Philosophy questions. 1999 . No. 6. Page 27.
4. The evangelical text in the Russian literature of XVIII-XX of centuries / Sb. scientific works. Petrozavodsk, 1994. Page 383.
5. New philosophical encyclopedia: in 4 t. 2nd prod. испр. and допол. T.1. М, 2010.

6. Zenkovsky V. V. Istoriya of the Russian philosophy. M., 2001. C. 114.
7. Slopes N. N. Russky genius. M., 1987. Page 100.
8. Pushkin A.S. Way to Orthodoxy. M., 1996. Page 68.
9. Cm: Vysheslavtsev B. P. Etika of the changed Eros. M., 1994. Page 160-176.
10. Archimandrite Zosima (Shevchuk). The orthodox doctrine about the personality//the Word Monastery. 2003. Page 18
11. Electronic medium: <http://www.sv-krest.ru/UserFiles/File/biblio/pushkin/pushkin03b.html#16>
12. Annenkov P. V. Materials for A.S.Pushkin's biography. M., 1984. Page 269.
13. Povolotskaya O. Ya. "Coffin maker": Collision and sense//Moscow Pushkin scholar: Ezhegod. сб. Vyp. I. M., 1995. Page 57.
14. Gogol N. V. Sobr.Soch. : In 7т. T.6. M., 1986. Page 336.
15. Cossack captains I.A. Kategoriya of conciliarity in the Russian literature. Petrozavodsk, 1995. Page 48.

УДК 81' 42

UDC 81' 42

Д.С. ХРАМЧЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры
английского языка Тульского государственного педаго-
гического университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: hramchenko@rambler.ru

D.S. KHRAMCHENKO

candidate of philological sciences, Associate Professor of
the English Language Department, Tula State Pedagogical
University named after L.N. Tolstoy
E-mail: hramchenko@rambler.ru

КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ДЕРЕГУЛАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

CONVENTIONALITY AND DERUGALATION OF MODERN BUSINESS ENGLISH DISCOURSE

Статья посвящена проблеме конвенциональности коммуникативной нормы английского делового дискурса, регулирующей вербальное поведение участников бизнес-общения, и наметившейся новой тенденции к дерегулации современного англоязычного делового дискурса, отклонению от конвенциональных норм, правил и предписаний как следствие использования нетипичных для данного дискурсивного типа языковых приемов.

Ключевые слова: деловой дискурс, конвенциональность, прагматика, риторика.

This article is devoted to the problem of conventionality of typical Business English discourse communicative norm, which regulates interlocutors' verbal behaviour, and the recent tendency to business discourse deregulation and deviation from conventional norms, rules and recommendations as a result of using unusual verbal means.

Keywords: business discourse, conventionality, pragmatics, rhetoric.

Английский деловой дискурс является одним из наиболее регламентированных дискурсивных типов. Стандартизованность и конвенциональность бизнес-коммуникации обеспечивают управляемость делового общения. М.В. Колтунова определяет конвенциональность как систему прагматических конвенций, регулирующих взаимодействие коммуникантов на различных речевых уровнях, при этом под прагматическими конвенциями понимаются организующие общение базовые «нормы и правила, отражённые в рутинных моделях жанровых сценариев, в статусно-ролевых моделях речевого взаимодействия. Сама способность выполнять социальное взаимодействие посредством языка обусловлена владением этими нормами и правилами» [4, с. 44].

Проблема конвенциональности общения давно привлекает внимание специалистов самых разных областей знаний: философов (Д. Дэвидсон, М. Даммит,

А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев и др.), филологов и лингвистов (Дж. Остин, П. Стросон, Дж. Серль, Д. Льюис, М.В. Колтунова, С.С. Рябков и др.).

В общенаучном плане термин «конвенция» используется для обозначения общепринятых правил, норм, обычаев, внешней регулируемости поведения посредством неодобрения отклоняющегося поведения. Разработка вопроса о конвенциональной сущности языка ведёт отсчёт ещё со времён Аристотеля, полагавшего, что поскольку имена не возникают из природы вещей, то язык является результатом некоего соглашения или договорённости. Позже эта идея нашла своё отражение в работах Ф. де Соссюра, рассматривавшего язык как систему произвольных знаков, «навязанных» языковому коллективу, который ими пользуется. Конвенции выступают в качестве каркаса языковой системы, пронизывая все её уровни и реализуясь во всех аспектах речевой деятельности [10].